

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЛИТУАНИСТИКИ ИЗ АРХИВА И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

В богатейшем архиве И. И. Срезневского, представляющем большой интерес прежде всего для изучения истории славяноведения, содержится много ценных материалов и по истории других областей филологии и истории, в том числе и по истории литуанистики в XIX в. в России. В части этого архива, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (ЦГАЛИ) (ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433) имеется 34 письма литовского языковеда, собирателя и издателя литовских народных песен Йонаса Юшки (Ивана Васильевича Юшкевича), написанные И. И. Срезневскому в 1856 – 1878 гг.

Кроме некоторых сведений автобиографического характера, эти письма содержат очень интересный материал о занятиях Й. Юшки вопросами литовского языка, в частности литовской диалектологии, и фольклора. 10 писем, остававшихся до сих пор вне поля зрения ученых, публикуются в т. II „Балто-славянских исследований“ (Москва, „Наука“, 1974).

Здесь мы публикуем три материала, посланные Й. Юшкой И. И. Срезневскому в разное время их переписки. Они представляют значительный самостоятельный интерес для характеристики ранних занятий Й. Юшки и его брата Антанаса литовским языком и начальной истории изучения этого языка в России.

1. Составленный Й. Юшкой словарь санскритско-литовских соответствий, о котором, насколько нам известно, нет упоминаний в существующей литературе о Й. Юшке, был послан И. И. Срезневскому с письмом от 3.1.1856 г. — первым по времени из числа писем Й. Юшки русскому слависту, хранящихся в ЦГАЛИ. Следовательно, он был составлен уже к концу 1855 г. Словарь Й. Юшкой не озаглавлен; он составлен на шести листах. Материал расположен в два столбца на лицевой и оборотной страницах листов в том порядке (алфавитном), как он публикуется ниже. Отмеченные в рукописи цифрами 1, 3, 4 и 2 слова на букву „Т“ оставлены здесь на том месте, какое они занимают в рукописи словаря.

Как видно из текста словаря, для ряда литовских слов санскритские соответствия Й. Юшкой не указаны. Приведенные в рукописи на одной строке слова *ugnis* и *uksuŝas* здесь даются каждое на отдельной строке.

Вопреки утверждению Й. Юшки о том, что „на каждом литовском слове“ он поставил ударение (см. ниже), целый ряд слов (литовских) в действительности в словаре указан без ударения.

Вся нерусская часть словаря литовско-санскритских соответствий, как и двух других материалов, публикуется здесь без каких-либо изменений орфографии. Русская же часть всех материалов дается в соответствии с нормами современной орфографии, за исключением характерных ошибок (или описок) Й. Юшки, особо отмечаемых. Наши дополнения к тексту (раскрытие сокращений и др.) поставлены в квадратные скобки.

Причина, побудившая Й. Юшку составить словарь литовско-санскритских соответствий, цель, которую он преследовал его составлением, и источники литовского материала хорошо раскрыты самим Й. Юшкой в письме (1) И. И. Срезневскому¹ от 3.1.1856 г. В сущности, во всем этом письме (исключая, естественно, принятое обращение к адресату и конец письма с выражением „высочайшего уважения и преданности“) речь как раз и идет о составленном словаре. Вот что писал об этом сам Й. Юшка²:

„Прочитывая, в Известиях второго Отделения Императорской Академии наук, Гильфердингово исследование³, которое имеет предметом сравнение славянского и санскритского языков, я встретил множество санскритских корней и слов, или совершенно сходных с литовскими, или очень близко к ним подходящих, как по понятиям ими выражаемым, так и по фонетическому своему проявлению. Не смея делать своих выводов из представляющихся данных, я ограничился собранием их, полагая, что этим могу приготовить материал более или менее годный для филологических исследований. Санскритские слова заимствованы мною из вышеупомянутой статьи А. Гильфердинга, литовские же из живого литовского наречия, которым говорят литовцы, населяющие северо-восточную часть Росненского и западную часть Ковенского уездов, и которое мне знакомо, как тамошнему уроженцу, за исключением нескольких слов (*abida*, *ajszkus*, *barwa*, *biloti*, *griowis*, *kute*, *kusziti*, *lobis*, *pota* и *stejgti*), заимствованных из сочинения: *Giwatas Didiuju Karwajdu senowes. T. Dewinakis* (Перевод Corneli Nepotis Vitae Excellentium Imperatorum)⁴. На каждом литовском слове я поставил ударение по местному произношению“.

¹ Для удобства последующих (после издания писем в упомянутом „Балто-славянских исследованиях“) справок здесь в скобках указывается порядковый номер писем по публикации их в этом сборнике.

² ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 1.

³ Упоминаемое здесь „Гильфердингово исследование“ (ниже: „статья А. Гильфердинга“) — это „Сравнение языка славянского с санскритским“ А. Гильфердинга, опубликованное в „Прибавлениях к Известиям Академии наук по Отделению русского языка и словесности“, т. II, 1853 (в серии „Памятники и образцы народного языка и словесности“).

⁴ Перевод Т. Девинакиса, т.е. С. Даукантаса, сочинения „*Giwatas Didiuju Karwajdu senowes*“, из которого Й. Юшка почерпнул перечисленные 10 слов, вышел из печати в 1846 г. Как видно из письма (2) Й. Юшки И. И. Срезневскому от 17.1.1856 г., к этому времени он прочитал на литовском языке и книги „*ziwatas Jezaus Kristaus*“ и „*zemaitiu wiskupiste*“ (1848) М. Валанчюса („епископа Волончевского“), а также „некоторые мелкие переводные сочинения г. Довконта (т.е. С. Даукантаса, — Г. В.), изданные под разными псевдонимами“ (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 7). В числе последних была и упоминаемая в письме

Словарь литовско-санскритских соответствий, видимо, произвел на И. И. Срезневского благоприятное впечатление, о чем он и сообщил Й. Юшке сразу же по получении письма со словарными материалами. Об этом можно судить по тому, что в ответном письме от 17.1.1856 г., т.е. ровно через две недели после отсылки первого письма, Й. Юшка искренне благодарил И. И. Срезневского за отзыв и советы. „Чувствительнейшую благодарность приношу Вам, милостивый государь, Измаил Иванович, — писал он, — за благосклонное внимание к первой моей попытке на филологическом поле и за сообщение мне тех наставлений и указаний Ваших, которыми пользуясь молодые наши ученые принесли уже науке существенную пользу и приобрели уважаемый авторитет в ученом мире“⁵. Благожелательное отношение И. И. Срезневского к первому научному опыту Й. Юшки, работавшего тогда учителем в Новгородской гимназии, несомненно ободрило начинающего литуаниста и утвердило в нем желание продолжить изучение родного языка. О своих научных планах Й. Юшка писал И. И. Срезневскому: „... Собрав значительный запас материалов, я вознамерился попытаться составить общесравнительную литовскую грамматику, приняв в основание Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым Отделением Императорской Академии Наук. По силам ли пытаюсь предпринять столь огромный труд и исполню ли его достойным образом? Не знаю. Могу только теперь сказать, что мысль — представить стройную систему законов литовского языка, согласно с общими законами человеческой речи, оживляет всю мою деятельность по этому предмету и труд этот составляет одно из приятнейших моих занятий в настоящую минуту“⁶.

2. Другой публикуемый здесь материал — пробные статьи „Литовского корнеслова“, над которым Й. Юшка упорно работал в течение многих лет.

О том, что Й. Юшка оставлял „Литовский корнеслов“, известно уже давно. И. И. Срезневский в ответ на письмо „суперинтенданта Рагнетской епархии К. А. Иордана“ составил по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук „Записку“, которая была прочитана на одном из заседаний Отделения в июне 1857 г. и опубликована в том же году⁷. В этой записке в частности сказано: „... В свое время я имел честь представить Отделению о другом знатоке литовского языка, занявшемся его исследованием, о г. Юшкевиче; работы г. Юшкевича были одобрены Отделением и не-

от 3.1.1856 г. книга „*Giwatas Didiuju Karwajdu senowes*“. Все эти книги Й. Юшка приобрел летом 1855 г. во время пребывания в Литве, и это были первые книги на литовском языке, с которыми он начал свои ученые занятия по литуанистике. В цитируемом здесь письме от 17.1.1856 г. он писал И. И. Срезневскому: „С давнего времени я питаю живейшее желание заняться основательным изучением литовского языка, но я не имел ни одной литовской книженки. Прошедшего лета мне удалось побывать в Ковенской губернии и приобрести несколько новейших литовских книг, по которым я и начал свои занятия; но все-таки у меня не было лексикона, ни грамматики литовской“ (Там же).

⁵ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 7

⁶ Там же.

⁷ См. раздел „Выписки из протоколов“ в „Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности“, т. VI, 1857, стр. 254 — 255.

которые напечатаны в Известиях. Ныне он приводит к окончанию свой опыт корнеслова литовского, в котором пользовался богатствами народного языка разных краев Литвы. Можно надеяться, что труд г. Юшкевича будет замечательным приобретением русской лингвистической литературы, и, вероятно, если не изменятся обстоятельства, будет издан под покровительством второго Отделения Академии⁸ (курсив наш, — Г.В). И. И. Срезневский считал, что „для усовершенствования этого труда“ Й. Юшки желательно привлечь „сторонние пособия“, среди которых словарные материалы К. А. Иордана могли бы занять „видное место“. В связи с этим И. И. Срезневский предлагал обратиться к К. А. Иордану с просьбой предоставить Отделению его материалы „без всяких условий, только как добровольное пожертвование“⁹. Копия с цитируемой записки И. И. Срезневского, по решению Отделения, была направлена исправляющему должность постоянного секретаря акад. К. А. Веселовскому для сообщения ее Иордану, и ее дальнейшая судьба, как и её последствия не известны¹⁰.

В июне 1861 г. И. И. Срезневский сообщил Отделению русского языка и словесности, что от Й. Юшки „можно ожидать в непродолжительном времени приготовления Литовского корнеслова, сообразного с нуждами славянского языка“¹¹.

Этими данными, сообщенными более 100 лет назад И. И. Срезневским, в сущности исчерпываются сведения о „Литовском корнеслове“ и в настоящее время. Какие-либо подробности о нем самом и о его судьбе не известны. В числе сохранившихся рукописей Й. Юшки „Литовский корнеслов“ не значится¹². Высказывалось предположение, что он не был завершен Й. Юшкой¹³ или же Отделение русского языка и словесности Академии наук, получив его, по каким-то причинам его не напечатало¹⁴.

Подготовленные к печати в „Балто-славянских исследованиях“ письма Й. Юшки к И. И. Срезневскому и публикуемые ниже пробные статьи „Литовского корнеслова“ содержат материал, позволяющий более определенно судить о содержании этого труда Й. Юшки и о ходе работы над ним.

Впервые о работе Й. Юшки над „Литовским корнесловом“ мы узнаем из его письма И. И. Срезневскому (10) от 8.XII.1856 г. В нем он писал, что посылаемый им одновременно с письмом „труд“¹⁵ назначается „введением

⁸ Там же, стр. 255.

⁹ Там же.

¹⁰ Сама эта копия с датой 20 июня 1857 г., хранящаяся ныне в фонде акад. А. Куника в Архиве АН СССР (Ленинград), недавно была опубликована в кн.: B. Tolutienė, A. Juška leksikografas, — „Literatūra ir kalba“, V, Vilnius, 1961, p. 291—292.

¹¹ Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности, т. X, 1861—1863, стр. 158.

¹² B. Tolutienė, A. Juška leksikografas, p. 364.

¹³ B. Tolutienė, A. Juška leksikografas, p. 124, 128; см. также: Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija, t. I, A—J, Vilnius, 1966, p. 728.

¹⁴ B. Tolutienė, A. Juška leksikografas, p. 124.

¹⁵ Имеются в виду, вероятно, его „Заметки о свойствах литовского языка“, вышедшие из печати позднее, в 1861 г., под названием „Ape kalbas lietuviszko lėžuvo“ („О говорах литовского языка“) в „Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамма-

к предполагаемому корнеслову литовского языка¹⁶. Здесь же Й. Юшка сообщал, что он уже „собрал 600 литовских корней“ и думает „сперва составить, в известной системе, каталог литовских корней, а после уже заняться их переборкою“¹⁷. Из этого следует, что к работе над „Корнесловом“ Й. Юшка приступил уже в 1856 г.

Возможно, что первоначальной словарной базой для работы над „Корнесловом“ послужили ему материалы, собранные при составлении словаря санскритско-литовских соответствий и написании рецензии на книгу А. Шлейхера „*Handbuch der litauischen Sprache, I. Grammatik*“ (Prag, 1856), напечатанной первоначально в „Известиях Академии наук по Отделению русского языка и словесности“ (т. V, 1856)¹⁸.

Значительный материал для „Корнеслова“ был почерпнут Й. Юшкой из „Литовской библии“. Эту книгу ему дал из своей библиотеки И. И. Срезневский, когда Й. Юшка посетил его в конце 1856 г.¹⁹. К работе над нею Й. Юшка приступил в начале января 1857 г., т.е. сразу же по возвращении из Петербурга. Начал он с чтения Нового завета, чтобы иметь возможность сравнивать литовский язык со славянским по Остромирову евангелию, которое он имел под руками. К середине февраля он прочитал уже более двух третей всего Священного писания. В письме (12) от 19.II.1857 г., в котором Й. Юшка сообщает об этом И. И. Срезневскому, содержатся и интересные сведения о том, как он эксцерпировал примеры из „Литовской библии“. „Читая, — писал он, — я подчеркивал каждую фразу, в которой я встречал новое слово или то слово, которого значение было неясно, или которое имело другое значение. Выписку подчеркнутых фраз я поручил ученикам четвертого и пятого классов и они представили уже мне более пяти тысяч билетиков, из которых на каждом выписана особая фраза с означением, в верхнем левом углу билетика, одного-двух начальных слогов из следующего слова“²⁰. Собрав, таким образом, значительную коллекцию словарного материала из „Литовской библии“, Й. Юшка в середине февраля приступил к его обработке. „Теперь принимаюсь за составление основы предполагаемого корнеслова“, — пишет он И. И. Срезневскому²¹.

тики“, т. V, 1861. О работе над этим трудом Й. Юшка сообщал ранее И. И. Срезневскому в письмах (4) от 24.VIII.1856 г., (6) от 8.IX.1856 г., (7) от 31.X.1856 и (8) от 6.XI.1856. См. ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л.л. 9–10, 12–13, 14, 16, 19.

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 22.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Об этой рецензии сам Й. Юшка со свойственной ему скромностью писал И. И. Срезневскому в письме (4) от 24.VIII.1856 г., что „она составлена и поспешно и небрежно“ и „не имеет тех качеств, которые дали бы ей право на представление её Отделению“ (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 9).

¹⁹ В „Списке книгам, взятым... из библиотеки академика Срезневского“, который Й. Юшка послал по возвращении в Новгород, под № 6 значится „Литовская библия“ без каких-либо выходных данных (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 24). По-видимому, речь идет о том самом издании „Литовской библии“ (4-е изд., Тильзит, 1724 г.), примеры из которой Й. Юшка приводил для иллюстрации отличий современного литовского языка от древнего. См. И. В. Юшкевич. О говорах литовского языка, стр. 361–365.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 26.

²¹ Там же.

Богатый материал для „Корнеслова“ он ожидал получить от своего брата, ксендза Антанаса. „От брата своего, — писал он в том же письме от 19.II.1857 г., — я надеюсь получить в скором времени до трех тысяч литовских слов, собранных в окрестностях г. Поневежа из живой народной речи литовцев. Это важный материал для моего труда“²². Действительно ли Й. Юшка уже в это время имел твердое намерение отразить в „Корнеслове“ и „живую народную речь литовцев“ в окрестностях Паневежиса, трудно сказать. Из письма (14) от 5.IV.1857 г. как будто следует, что „Корнеслов“ он намеревался строить лишь на основе данных из письменных источников. „Собирая материалы для предполагаемого корнеслова, я записываю на карточках те только слова, которые встречаю при чтении“, — сообщал он И. И. Срезневскому²³.

Вероятно, в марте—апреле 1857 г. Й. Юшка получил от И. И. Срезневского еще две книги на литовском языке: „Времена года“ К. Донелайтиса („Metai“; Й. Юшка называет ее „Сельской поэмой“ и „Четырьмя временами года“) и „Статьи сказаний“ („Punktaj Sakimu“; по-видимому, 2 издание, 1845 г.) К. Ширвидаса. Эти книги, писал он И. И. Срезневскому в письме (13) от 25.III.1857 г., „имеют значительную важность для исследования литовского языка“²⁴. Позднее, в другом письме [(15) от 9.VI.1857 г.], он снова указывает: „Доналейта сельскую поэму я нашел весьма обильным источником для своего труда“²⁵.

Новые источники словарных материалов прервали начатую было работу по составлению статей „Корнеслова“ на основе данных, почерпнутых из „Литовской библии“. „Получивши два новые источники для своего труда, — писал он И. И. Срезневскому, — я оставил на время обработку слов, выписанных из библии и взялся за чтение Доналайтиса. На первых страницах чтение шло довольно медленно, потому что надо (в оригинале: нада; Г. В.) было исследовать каждое почти слово“²⁶. Выписывая слова из поэмы К. Донелайтиса, Й. Юшка сразу же производил и первичную обработку собираемого материала. Как это он делал, видно из его письма (13) от 25.III.1857 г. Он писал: „Слова пишу на карточках; для каждого корня назначаю особенную карточку. Если слова, развившиеся из одного корня, не вменяются на одной карточке, то к ней присоединяю другую под номером вторым. Карточки я расположил по буквам в алфавитном порядке. Для каждой буквы я сделал два отделения карточек. В одном я поместил карточки, на которых выписаны корни, развившиеся в многообразные формы; в другом находятся карточки, содержащие корни, проявившиеся в одной—двух—трех формах. Карточки покамест расположены кучками на столе. Кучки эти ежедневно

²² Там же, л. 27.

²³ Там же, л. 29.

²⁴ Там же, л. 28.

²⁵ Там же, л. 41. Фамилию К. Донелайтиса Й. Юшка в письмах передает по-разному: Доналейтис, Доналайтис, Донелейтис, Доналейт и даже Допалейтис с явной опiskeй (вместо русской буквы *н* написана литовская *n*).

²⁶ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1. арх. ед. 1433, л. 28.

растут"²⁷. Выписанные из поэмы К. Донелайтиса формы Й. Юшка пояснял примерами и сопровождал переводом их на русский язык²⁸.

В начале апреля, с письмом (14) от 5.IV.1857 г., Й. Юшка послал семь пробных статей „Корнеслова“ („семь пробных карточек предполагаемого мною корнеслова“), сообщив одновременно, что он продолжает собирать материал (число слов „ежедневно увеличивается, масса материалов наращается“) и что „в органическую систему“ он станет их приводить тогда только, когда рассмотрит все находившиеся у него „литовские источники“. Он продолжал читать поэму К. Донелайтиса, из которой к этому времени уже выписал (и, надо думать, частично обработал) до 600 корней. О словах же, выписанных из „Литовской библии“ (числом около 6000), Й. Юшка сообщал, что „они дожидаются еще разработки“²⁹.

Через два месяца, в письме (15) от 9.VI.1857 г., Й. Юшка сообщает И. И. Срезневскому, что он занимается „обработкой слов“, число которых у него достигало уже 10000, и что он надеется в наступающие летние каникулы „значительно подвинуть свой труд вперед“³⁰. В письме (16) от 20.VII.1857 он вновь пишет, что занят „переборкою литовских корней“³¹. Однако работа над „Корнесловом“ подвигалась медленнее, чем рассчитывал и надеялся Й. Юшка. Через четыре месяца, 23.XI.1857 г. (письмо 17), извиняясь за то, что долго не извещал „о состоянии своего труда“, Й. Юшка писал И. И. Срезневскому: „Не могу похвалиться заметными его успехами, но впредь он подвигается ежедневно. Причинами его медленности суть служебные занятия, обширность самого труда и слабость здоровья“³². Он сообщал также, что „материалов, собранных по источникам, скопилось много“, и надеялся в половине декабря, т.е. примерно через месяц, представить И. И. Срезневскому „хоть начало своего труда“, а „о некоторых обстоятельствах, относящихся до этого предмета“, объяснить лично в ближайшее время³³. По-видимому, Й. Юшка здесь имеет в виду „Литовский корнеслов“.

Свое обещание Й. Юшка сдержал. В письме (18) от 16.XII.1857 он сообщает: „Сегодняшнюю почтою отправляю в редакцию „Ученых записок“ начало своего труда“, пообещав к праздникам (вероятно, рождественским) подготовить и „следующие листки“³⁴.

²⁷ Там же, л. [28^a].

²⁸ Там же, л. 41.

²⁹ Там же, л. 29.

³⁰ Там же, л. 41–42. Возможно, что именно это сообщение Й. Юшки имел в виду И. И. Срезневский, когда писал в июне 1857 г. в цитированной выше „Записке“ относительно литовско-русского словаря К. А. Иордана, что Й. Юшка „ныне... приводит к окончанию свой опыт корнеслова литовского“. Других фактических оснований для такого утверждения у И. И. Срезневского, насколько можно судить по письмам Й. Юшки, не было.

³¹ Там же, л. 43.

³² Там же, л. 45.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 46.

Глазная болезнь вынудила Й. Юшку последующие несколько месяцев провести „почти в совершенном бездействии“³⁵ [письмо (19) от 13.IV.1858]. Для „своего труда“, как сказано в этом письме, он теперь ожидал „нового богатого источника“: Л. Ивинский, издатель литовского календаря, обещал прислать ему для просмотра „первые три части составляемого им Польско-жемайтского словаря“³⁶. Через месяц [13.V.1858, письмо (20)] Й. Юшка сообщает: „Труд мой подвигается теперь весьма тихо, надеюсь заняться посерьезнее в вакантное время“³⁷.

Летом 1858 г. Й. Юшка побывал в Литве. „Главной целью этой... поездки, — писал он И. И. Срезневскому 27.VIII.1858 (письмо 21), — было как собрание новых материалов для составляемого мною литовско-славянского корнеслова (в предыдущих письмах Й. Юшка называл его „Корнесловом литовского языка“ или просто „Корнесловом“, — Г.В.) и для точнейшего определения главнейших говоров наших литовцев, так и пояснение находящихся уже у меня“³⁸. В связи с этим он намеревался „совершить путешествие по всем частям нашей Литвы, прислушаться ближе речи литовских поселян, побеседовать со знатоками и любителями литовского языка и литовских древностей“, однако за краткостью времени (один месяц) которым он располагал, ему пришлось „ограничиться посещением м.м. Ворн, Ейрегола и Пушолат и их окрестностей“³⁹. Из поездки в Литву Й. Юшка возвратился с богатыми материалами для „Корнеслова“. Он писал в том же письме: „Для своего корнеслова я приобрел значительный запас материалов. Я нашел много новых коренных форм языка в сказанных песнях и сказках, списанных в селениях большею частью уединенных, окруженных лесами, и у людей старых и говорящих одним только своим природным языком. Много новых слов я записал в разговоре с ними. Я приобрел и несколько печатных книг, которых еще не было у меня. Между ними замечательные: об обычаях древних литовцев (Довконта под псевдонимом Лаукя)⁴⁰. Но несравненно богаче источник я нашел в вновь переделанном рукописном лексиконе пушолатского говора (в 14 верстах от г. Поневежа) моего брата. Здесь значение каждого слова пояснено примером, взятым из живой речи вместе с объясняемым словом. При каждом слове приведены его синонимы, значение которых поясняется на своем месте. Так напр. к слову: *kalbėti*, „говорить“ приведены 50 синоним. Эта особенность упоминаемого лексикона весьма важна для литовского лексикографа. Перевод сделан на польский язык, потому что брат мой не знает русского языка“⁴¹.

По-видимому, „Корнеслов“ имеется в виду и в письме (22) от 17.XII.1858 г., в котором Й. Юшка сокрушается по поводу того, что в течение столь долгого

³⁵ Там же, л. 47.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 49.

³⁸ Там же, л. 50.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Имеется в виду книга С. Даукантаса: *Budą Senovės Lėtuvių Kalnienų ir Žemajtių* (1845).

⁴¹ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 51.

времени „не исполнил еще данного слова относительно своего труда“⁴². Он объясняет это двумя причинами: главная — „глазная болезнь, последствием которой осталась раздражительность глаза, мешающая заняться столько, чтобы успехи труда были заметнее“, другая причина — „ежедневные служебные занятия, поглащавшие все лучшее время и лишавшие всей свежести сил и бодрости духа“⁴³. Й. Юшка надеялся, что с переводом на новую работу в с. Медведь („новая должность будет свободнее и легче“⁴⁴) он сможет „заняться предпринятым трудом с большею энергией и успехом“⁴⁵.

Следующее и последнее упоминание о „Корнеслове“ относится уже к казанскому периоду жизни Й. Юшки. Описав в письме (25) от 22.III.1862 свою дорогу в Казань и первые впечатления об этом городе, Й. Юшка сообщал далее И. И. Срезневскому, что работа в Казанском военном училище отнимает у него большую часть времени и потому „для литовского корнеслова“ остаются ему только вечера. Он писал, что за полтора месяца пребывания в Казани „мог только составить таблицы слов, начинающихся с гласных звуков“, и выражал надежду, что впоследствии, когда „учебная деятельность войдет в свою колею“, ему „останется более свободного времени“ (для занятий литовским языком)⁴⁶.

В последующих письмах Й. Юшка сообщает уже о работе над „литовско-русским словарем“ [(28) от 28.XII.1866]⁴⁷, над „составляемым нами (т.е. Й. Юшкой и его братом Антанасом, — Г.В.) литовско-русским словарем“ [(30) от 5.X.1876]⁴⁸, над „опытом литовско-русского словаря“ [(31) от 29.III.1877]⁴⁹ и др., т.е. об учебном и о том известном „Словаре литовского языка“, над которым трудились братья Юшки и который был издан гораздо позднее тремя выпусками (1897–1922).

Работа же над „Литовским корнесловом“ была прервана, видимо, в середине 60-х годов, т.е. лет через 10 после ее начала, и впоследствии уже не возобновлялась. Причину этого следует, наверное, искать в вынужденной смене места жительства и работы (после Казани — с 1864 г. инспектор, а затем учитель латыни в Нижнем Новгороде, с 1867 г. — учитель латыни в Екатеринбурге), мешавшей систематическим занятиям литовским языком,⁵⁰ сла-

⁴² Там же, л. 52.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Речь идет об ожидавшемся назначении Й. Юшки инспектором Новгородского кадетского училища, которое находилось, вероятно, в с. Медведь.

⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 52.

⁴⁶ Там же, л. 57. В предыдущих письмах, как видим, Й. Юшка не пишет о том, что в ближайшее время представит Отделению русского языка и словесности подготовленный „Корнеслов“. На что опирался И. И. Срезневский, сообщая Отделению о скором завершении Й. Юшкой работы над „Корнесловом“ (см. выше, стр. 206), не известно. Возможно, какие-то письма Й. Юшки не сохранились. Может быть, Й. Юшка обещал закончить и при-
слать „Корнеслов“ при одной из встреч с И. И. Срезневским.

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 66.

⁴⁸ Там же, л. 69.

⁴⁹ Там же, л. 70.

⁵⁰ Переехав в Екатеринбург (ныне Свердловск), Й. Юшка писал И. И. Срезневскому [письмо (29) от 12.II.1867], что учительская должность, как он надеется, даст ему „больше времени заняться и литовским языком“, и добавил: „Жизнь и на Урале не должна ослабить литовщины“ (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 68).

бое здоровье, а затем и напряженная работа над упомянутым „Словарем литовского языка“.

Таковы данные о ходе работы Й. Юшки над „Литовским корнесловом“ и об источниках словарных материалов для него, содержащиеся в письмах Й. Юшки к И. И. Срезневскому.

Обратимся теперь к вопросу о том, что должен был представлять собой „Литовский корнеслов“ Й. Юшки.

Вряд ли можно сомневаться, что идея создания „Литовского корнеслова“ была подсказана Й. Юшке И. И. Срезневским (возможно, летом 1856 г., когда И. И. Срезневский отдыхал в Новгороде). Во всяком случае в одном из писем [(17) от 23.XI.1857 г.], сообщая о „состоянии своего труда“, под которым он, вероятно, и имел в виду „Литовский корнеслов“, Й. Юшка признает, что „идею и духовным и материальным содействием“ этот труд был обязан И. И. Срезневскому⁵¹. Бесспорно, что И. И. Срезневский не только был в курсе дел с подготовкой „Корнеслова“ (это хорошо видно из сказанного выше), но и излагал свои соображения о том, каким он должен быть, что должны содержать его статьи и т.д. Й. Юшка внимательно относился к советам уже тогда маститого ученого и следовал им. В письме (13) от 25.III.1857 г. Й. Юшка писал: „...Высоко уважая советы и указания Ваши, Измаил Иванович, в соображениях своих я ограничиваюсь определением значений разбираемого слова, поясняя их фразами, в которых оно встречается, и сравнением литовских корней с одними только славянскими“⁵². Можно, таким образом, с уверенностью утверждать, что именно И. И. Срезневский рекомендовал ограничиться в статьях „Корнеслова“ толкованием значений слов, иллюстрируя их текстовыми примерами, и сравнением литовских корней только с соответствующими славянскими корнями. Й. Юшка, правда, „позволил себе“, как он пишет в том же письме, и „сравнение с литовскими словами латышских и старопрусских слов“, но, чтобы, видимо, оправдать эту собственную инициативу в глазах И. И. Срезневского, тут же добавляет, что он включил „в круг своих занятий латышский и старопрусский язык для собственной своей пользы, желая познакомиться с этими языками, как родными собратьями литовского языка“⁵³. И все же окончательное решение вопроса о включении или невключении латышских и старопрусских слов Й. Юшка оставлял за И. И. Срезневским. „Внесение же слов и корней латышского и старопрусского языков в предполагаемый мною корнеслов совершенно будет зависеть от Ваших, Измаил Иванович, советов и указаний, которые я высоко ценю и свяшенно исполню“⁵⁴.

„Литовский корнеслов“ должен был, таким образом, представлять собой сравнительный литовско-славянский словарь с включением в него соответствующих слов из ближайше родственных литовскому древнепрусского и латышского языков. При этом предполагалось, что в отличие от литовских и славянских латышские и древнепрусские слова поясняться примерами

⁵¹ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 45.

⁵² Там же, л. 28.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, л. л. 28 — [28a].

не будут, а будут приведены „для того только, чтобы показать, какие корни сохранились в ближайших ветвях литовского языка“⁵⁵. В соответствии с этим Й. Юшка предполагал включить в „Корнеслов“ не все литовские слова, а только те из них, которые представляют интерес именно в сравнительном плане. Так, видимо, и следует понимать следующие его слова в письме (14) от 5.IV.1857. „Из собранных материалов возмется (так в рукописи, — Г.В.) к делу то только, что существенно важно и сообразно с целью“⁵⁶. Что касается „объема предполагаемого труда“, то Й. Юшка считал, что „можно было бы ограничиться теми только формами, которые ведут к пояснению разных видов корней и их значений“⁵⁷.

Конкретное представление о разработке и содержании словарных статей „Литовского корнеслова“ дают посланные Й. Юшкой И. И. Срезневскому с письмом (14) от 5.IV.1857 семь пробных статей („пробных карточек“). Эти статьи написаны на 10 карточках размером примерно 9×11 см. Существующая (архивная) пагинация (л.л. 30—39) не отражает действительный порядок их следования. Нами они публикуются в порядке алфавита заглавных корней.

Пробные статьи „Корнеслова“ были посланы Й. Юшкой по просьбе И. И. Срезневского. Это явствует из того же письма Й. Юшки: „Весьма меня обрадовало, что Вы, высокоуважаемый Измаил Иванович, потребовали у меня пробных карточек предполагаемого мною корнеслова“⁵⁸. Эти статьи Й. Юшка послал „в том виде, как они есть“, но счел нужным подчеркнуть, что „они далеко не в законченном виде“⁵⁹. Они отражают начальный этап работы над „Корнесловом“. Это видно уже из того, что иллюстративный материал Й. Юшка приводит, как правило, из поэмы К. Донелайтиса (примеры указаны с условным сокращением „Дон.“) с русским переводом и изредка из „Литовской библии“ (точнее — из евангелия) с указанием старославянских параллелей по Остромирову евангелию (в сокращении: О.Е.). Об этом пишет и сам Й. Юшка: „На посылаемых карточках записаны формы из Донелейтиса (так! — Г.В.), несколько только из Евангелия“⁶⁰. Он отметил также, что „из посылаемых семи корней двух, кажется, нету в славянском языке: *lik* и *mau*“⁶¹. Цитируемое здесь письмо (14) от 5.IV.1857г. чрезвычайно интересно также и тем, что Й. Юшка в нем дает оценку собственных возможностей (как всегда очень скромную) в составлении „Корнеслова“ и возлагает большую надежду на помощь и руководство И. И. Срезневского этим сложным и важным научным трудом. Он писал: „Не могу не сознаться перед Вами, высокоуважаемый Измаил Иванович, что сведения мои в современной филологии весьма ограничены; и взгляд мой на предпринимаемый

⁵⁵ Там же, л. 29.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

труд может быть весьма не правилен. Ежели осмеливаюсь взяться за столь важный труд, требующий многосторонних и основательных познаний в современной филологии, и ежели могу сделать что-нибудь полезное, то не иначе как при Вашем руководстве. Посему вложите на меня, высокоуважаемый Измаил Иванович, новый долг сыновней признательности, ежели, судя по посылающимся пробным карточкам о взгляде моем на начатый труд и об употребляемых мною приемах, Вы не откажетесь (в оригинале: откажитесь, — Г.В.) сообщить мне откровенно и прямо мнение свое о моем труде, и вместе с тем отеческие свои наставления”⁶².

Как оценил И. И. Срезневский пробные статьи „Корнеслова“ Й. Юшки и как он отнесся к его просьбе об общем руководстве составлением „Корнеслова“, ничего не известно. В последующих письмах Й. Юшка об этом ничего не пишет. Не известно также мнение И. И. Срезневского о „начале“ труда, которое Й. Юшка собирался ему послать и, вероятно, послал в середине декабря 1857 г. (см. выше стр. 209). Можно лишь с достаточной уверенностью предположить, что и пробные статьи и „начало“ труда Й. Юшки произвели на И. И. Срезневского благоприятное впечатление, если Й. Юшка продолжал работу над „Корнесловом“ и регулярно сообщал ему о ее ходе. И если Й. Юшка сожалеет о медленном продвижении этой работы, то он сетует на болезнь глаз или служебные дела, отнимавшие у него много времени и сил, но не на недоброжелательное, критическое отношение И. И. Срезневского, которое могло бы охладить желание Й. Юшки продолжить работу над „Корнесловом“.

Таковы сведения содержащиеся в письмах Й. Юшки о его „Литовском корнеслове“. Они проливают значительный новый свет на этот важный труд литовского языковеда, которому он отдал много сил и свободного от служебных дел времени. К сожалению, этот труд Й. Юшки не стал „замечательным приобретением русской лингвистической литературы“ и не был издан под покровительством Отделения русского языка и словесности Академии наук, как того хотел и на что надеялся И. И. Срезневский, постоянно поддерживавший словом и делом литуанистические начинания Й. Юшки. Следует думать, что работа над „Литовским корнесловом“ не была доведена до конца. В противном случае Й. Юшка непременно известил бы об этом И. И. Срезневского, который в течение многих лет был в курсе дел с составлением „Корнеслова“.

В заключение сказанного о „Литовском корнеслове“ отметим следующее.

Уже из приведенных данных можно заключить, что отношения между Й. Юшкой и И. И. Срезневским были не просто официальными и не ограничивались (это хорошо видно и из других публикуемых в „Балто-славянских исследованиях“ писем Й. Юшки) только чисто научными вопросами, как полагает Б. Толутене⁶³. Отношения между начинающим литуанистом и уже маститым славистом после пребывания И. И. Срезневского с семьей летом 1856 г.

⁶² Там же, л.л. 29 и 40 (архивная пагинация письма прерывается потому, что между этими листами вложены 10 „пробных карточек“ с нумерацией от 30 до 39 л.).

⁶³ B. Tolutienė. A. Juška leksikografas, p. 293.

в Новгороде установились довольно дружеские, теплые, особенно в первые годы их переписки, хотя Й. Юшка и относился к И. И. Срезневскому с чувством неизменно высокого почтения. В подтверждение этого приведем такой факт. В самом конце 1856 г. Й. Юшка провел три дня в Петербурге, где беседовал с И. И. Срезневским о своих ученых занятиях. Воодушевленный оказанной ему встречей и беседой, Й. Юшка писал И. И. Срезневскому вскоре по возвращении из Петербурга: „Вот уже несколько дней минуло после благополучной моей поездки в столицу. Я воротился из этого трехдневного моего путешествия с таким одушевлением и настроением духа к новым трудам, какие только можно приобрести (в рукописи: бриобреть, — Г.В.) при особенном благоприятствовании счастья. Я обязан своей новой жизнью исключительно Вам, высокоуважаемый Измаил Иванович, благодарю Вас, и не знаю как Вас благодарить, благодарю и Екатерину Федоровну (жена И. И. Срезневского, — Г.В.) за заботливейшее ее гостеприимство, я провел эти три дня, как у ближайших и добрейших своих родных“⁶⁴.

Отметим также, что И. И. Срезневский в ответ на просьбу И. Юшки посылал необходимые ему книги, давал советы, в которых нуждался еще малоопытный в научном описании языка Й. Юшка. Его помощь Й. Юшка высоко ценил. В письме (12) от 19.II.1857 г. он, например, писал: „Чем далее я подвигаюсь в занятиях своих по литовскому языку, чем более знакомлюсь с древнейшими памятниками славянской письменности, тем более убеждаюсь в значении и важности Ваших наставлений и содействия, тем глубже вкореняется в сердце моем чувство уважения и признательности к Вам, Измаил Иванович, как виновнику нового периода духовной моей жизни. Прошу верить, Измаил Иванович, моим словам они суть выражением души моей“⁶⁵.

3. „Названия степеней родства“ были посланы Й. Юшкой И. И. Срезневскому с письмом (22) от 17.XII.1858 г.⁶⁶ В нем сказано: „Названия степеней родства в литовском языке посылаю с этим письмом. Они собраны моим братом, кс. Антонием, я расположил их по взаимному их отношению и перевел на русский язык“⁶⁷. Из этого ясно, что в первоначальном списке названий родства, т.е. списке, присланном Й. Юшке его братом Антанасом, названия были расположены иначе (может быть, в алфавитном порядке, с переводом на польский язык или без него) и что в публикуемом здесь виде они сгруппированы Й. Юшкой по ступеням кровного родства и свойства.

⁶⁴ ЦГАЛИ ф. 436 оп. 1 ед. хр. 1433, л. 23.

⁶⁵ Там же, л. 28.

⁶⁶ В собрании писем Й. Юшки к И. И. Срезневскому „Названия степеней родства“ вложены ошибочно в письмо (8) от 6.XI.1856 г. (л.л. 17—18 по общей пагинации). Поверх названия этого списка другою рукою написано: „Из письма к редактору И. В. Юшкевича“; перед словом „Названия“ вписано „Представляю“, а между словами „собранные кс. Антонием“ сверху надписано: „братом моим“. Вероятно, эти дополнения были сделаны для удобства представления данного материала И. И. Срезневским на заседании Отделения русского языка и словесности.

⁶⁷ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 52.

СЛОВАРЬ ЛИТОВСКО-САНСКРИТСКИХ СООТВЕТСТВИЙ, СОСТАВЛЕННЫЙ
И. ЮШКОЙ

A

Abida, обида, vādh, обижать.
Ajdrus, ведренный, vidhra, ясный.
Ajskus, ясный, jačas, блеск.
Akis, око, akš, id.
Āksnis, ольха, alka, дерево.
Ākanas, голодный, алкать.
Āksztas, узкий, juḡ, уза.
Ānglis, уголь, angāra, id.
Arklis, лошадь, arvan, id.
Arti, близко, ârât, id.
Āszara, слеза, asra, id.
Aszis, ось, akšâ, колесо.
Assû, или essû, esmî или esmû, есмь, asmi, id.
Āsztas, острый, aс, вострить, aсra, острое.
Āuksztas, высокий, učha, id.
Āusti, ткать, vê, ūj, id.
Āugti, расти, vakš, id.
Āusis, ухо, gavša, id.
Āuszra, рассвет, dĵâutra, свет.
Awis, овца, avi, id.

B

Bagôts, богатый, bhaga, счастье, bhôga, богатство.
Bałâ, болото, mala, грязь, palata, id.
Bâltas, белый, bhâla, свет.
Bânda, стадо, kâṇḍa, толпа.
Bârwa, цвет, краска, varṇa, id.
Barzdâ, борода, barba (лат.).
Bâsas, босый, paс, итти.
Baczka, бочка, vak, быть согнутым.
Bârszczej, борщ, bhṛtja, пища.
Bażnicze, церковь, vâsa, строение.
Bârti, бранить, garh, id.
Biégti, бежать, bhaḡ, id.
Biârzas, береза, bhurga, id.
Bibis, penis, pâju, задница; çera, id.
Bijôtis, бояться, bhêš, bhî, id.
Biłóti, говорить, bhâ, сиять; bhas, говорить.
Blúdas, блюдо, чашка.
Błusâ, блоха.
Bóba, баба, старуха, raru, нянька.
Bóksza, башня, vêça, дом.
Brazdâ, борозда, tĥ, расти; vardh, резать.
Bristi, итти в брод, gâh, id.
Brólis, брат, bhrâtĥ.
Buczióti, целовать, çub, id.
Bújlis, бык.
Búris, множество, vâra, id.
Búti, быть, bhû, id.

C

Cibûle, лук, çapa, id.
Ciêna, цена, ci, собираю.
Ciêlas, целый, kêvala, id.
Cúdas, чудо, kuh (вм. kudh), удивлять.
Cynk, выражает звон, ciṅḡ, звенеть.

D

Dalis, доля, dal, dâ, dô, делить.
Dantis, зуб, dança, id.
Degti, гореть, dah, id., du, id.
Dengti, крыть, sthag, id.
Deszinas, правый, dakṣiṇa, id.
Diena, день, dina, id.
Dieti, деть, dhâ, класть.
Dirbti, работать; dariti, делать, drâgh, стараться, drâh, бодрствовать.
Dîwaj, диво, div, блестять.
Draskiti, разрывать, dru, повреждать.
Draúgas, товарищ, друг.
Drebiéti, дрожать, bṛbh, бояться.
Duktié, дочь, род. dukteres, druhi и duhitĥ, id.
Dúmas, дым, dhûma, id.
Duris, дверь, dvâr, dvâra, id.
Dúrnus, durak [так!], dus, dur, дурно.
Dúrti, колоть, dĥ, id.
Dû'ti, дать, dâ, id.
Dziúti, сохнуть, çam, çuš, id.
Dzwániti, звонить, dhvan, svan, id.

E

Ejti, итти, ĥt, aĥ, iĥ, id.
Éžeras, и ažeras, озеро, asra, угол.
Ežis, еж, ahi, id.

G

Gajdis, петух, gai, издавать звук.
Gałwa, голова.
Gana, довольно, ghaṇa, много.
Garsas, звук, голос, gĥ, издавать звук.
Gajletis, сожалеть, каяться, khai, id.
Gaubti, сгибать, çoça, id.
Gejsti, жажда, gâdh, kak, id., grdh, id.
Geležis, железо, asala, id.
Geltónas, желтый, harisa, id.
Gesiti, гасить, тушить, gah, уничтожать.
Giárkle, горло, kṛka, id.
Giedóti, петь, gai, id.
Gimditi, рождать, ḡan, id.

Gínti, гнать, ghṛṇṇ, и ghīṇ, хватать.
 Gísla, жила.
 Gíwas, живой, gīv, жить.
 Gíwáte, змея, gam, двигаться.
 Góbszus, жадный, gādh, желать.
 Godoti, уважать, gēv, чтить.
 Griaúti, греметь, gṛ, издавать звук.
 Griówis, ров, kriví, яма.
 Grébtí, хватать, gṛh, hṛ, id.
 Griékas, грех, ghur, быть невежею.
 Gudínti, возбуждать, gādh.
 Gúzas, опухоль от удара, guhja, задница.

I

Imanítí, смыслить, уметь, umâ, id.
 Ímti, брать, ять, jam, id.
 Iszmanítí, понимать, mīdh, mēdh, id.
 Iáunas, маладой [так!], юный, juvan, id.,
 jūni, молодая.
 Ieszkóki [так!], искать, iēh, id.
 Iúngti, соединять, ju, jung, juḡ, связывать.
 Iaúgti, соединять, jat, приводить в порядок.
 Iúngas, иго, juga, id.
 Iúsznikas, кровавая похлебка, jūša, горо-
 ховая похлебка.

K

Kalbiéti, говорить, khjâ, ḡalp, valk, id.
 Kájlis, кожа, čar-man, id.
 Kálas, кол, čala, id.
 Kalé, сука, čava, щенок.
 Kałdrá, одеяло, čal, покрывать; čali, покров.
 Kaktá, затылок, ḡhâtâ, id.
 Kámpas, угол, kôna, id.
 Kanápis, конопля, čaṇa, id.
 Kānsti, кусать, kans, уничтожать.
 Kárwe, корова, čṛ, колоть, čru, рог.
 Kasá, коса, kača, волос.
 Kásti, копать, kaš, испытывать.
 Katé, кошка, ḡah-aka, id.
 Kaúlas, кость, čalâkâ, id.
 Kaúti, ковать, ku, производить звук.
 Kawóti, прятать, ḡal, kag, покрывать.
 Kiaúle, свинья, kôla, id.
 Kiaúszis, яйцо, koča, id.
 Kiális, колено, ḡanu, id.
 Kelí, несколько, kala, малое количество.
 Képti, печь, pač, id.
 Kíbtí, лнуть, čib, хватать.
 Kírmis, червь, kṛmi, id.
 Kírpti, стричь, kṛp-ana, id.
 Kírsti, рубить, khur, kṛt, id.
 Klíszas, хромой, kliva, id.
 Kłausíti, слушаться, čru, id.

Kréjwas, кривой.
 Krésti, трясти, tras, id.
 Kraújas, кровь.
 Kúlti, толочь, ghṛš, id.
 Kúrmis, крыса, čušira, id.
 Kúrti, топить, čur, жечь.
 Kuósi, кашлять, kâs, id.
 Kupetá, кича [так!], kuta, patala, id.; kupa,
 скала.
 Kúte, хлев, kuta, дом.
 Kúsziti, прикасаться, kuč, id.
 Kwepiéti, пахнуть, vâs, id.
 Kiáke, шишка, cikhá, верхушка.

L

Léngwas, легкий, laghu, id.
 Lépsna, пламень, plu, дуть.
 Linaj, лен.
 Lípti, лнуть, lí, id., lip, лепить.
 Lísti, лезть, lič, итти.
 Lízdas, гнездо, nida, id.
 Lúbiéti, иметь склонность, lubh, id.

Ł

Łábas, благополучный, добрый, labh, прио-
 бретать.
 Łajziti, лизать, lih, id.
 Łápas, лист, palâca, id.
 Łaúžti, ломать, lup, id.
 Łóbis, имущество, labh, приобретать.
 Łúpas, уста, lapana, рот.
 Łúpti, лупить, lup, id.

M

Májszas, мешок, mačaka, id.
 Majsziti, мешать, mičr, id.
 Majniti, менять, mē, id.
 Márgas, пестрый, marga, задница.
 Mázas, малый, man-âk, меньше.
 Miaúti, мычать, mukha, звук.
 Małdá, молитва, montra, id.
 Miliéti, любить, mil, быть в связях.
 Miésa, мясо, mânsa, id.
 Miénuo, месяц, mâs, id.
 Miglá, туман, мгла, mih, мочить.
 Mínti, мять, mī, minâmi, мяну [так!].
 Mirkióti, жмурить глазами, mis с пред-
 л[огом] ut, открыть глаза, с предл[огом]
 ni, закрыть глаза.
 Mirti, мереть.
 Mižti, мочиться, mih, id.
 Mólis, глина, mala, грязь, mâuli, земля.
 Móteris, moteriszke, женщина, mâtṛ, мать.
 Mojóti, качать, mâ, махать.

Mótina, мать, mātṭ, id.
 Múras, каменная стена, pura, дом; mur,
 обводить каменной стеною.
 Murmiēti, ворчать, marmara, шелест.
 Múse, муха, makṣa, id.
 Múszti, бить, muṣ, miḥ, mī, id.

N

Naújas, новый, nava, navja, id.
 Najkinti, уничтожить, nakk, id.
 Nészti, несть, nī, id.
 Nósis, нос, nasā, id.

O

Óbalis, яблоня, amra, дерево, amla, кислый.

P

Pajnióti, путать, ṣul, id.
 Pakúta, эпитемия, kuth, быть печальным.
 Párszas, порося, pras, рождать.
 Píkti, сердиться, vakṣ, makṣ, id.
 Pláukti, плыть, plu, id.
 Póta, пир, pā, пить.
 Praszíti, просить, praḥ, id.
 Priētelis, приятель, prija, дорогой; prī, лю-
 бить.
 Pújkus, гордый, vakṣ, расти.
 Púlkas, множество, толпа, varga, id.
 Pú'tti, падать, pat, id.; pad, двигаться.
 Pú'das, горшок, pūta, сосуд.
 Púrwas, грязь, parikṣā, болото.
 Putrá, кашница, tṭṭ, есть.
 Piḥwas, брюхо, pāli, бедро.

R

Rátaj, телега, ratha, id.
 Rágas, рог, ṣru, id.
 Rānka, рука, rankh, двигаться.
 Rasá, роса, rasa, вода.
 Raudóti, рыдать, плакать, rud, заставлять
 плакать.
 Raudónas, красный, rôhita, id. (вм. rodhita).
 Raúti, рвать, khur, id.
 Ráwas, ров, krivī, яма.
 Riedíti, рядить, rādh, делать.
 Riékti, кричать, ru, kruṣ, id.
 Riátas, редкий, rīti, предел.
 Riētis, решето, riṣ, разделять.
 Riéžti, резать, rus, id.
 Rínkti, собирать, ṣṭṭ, id.
 Rīti, жрать, gr, глотать.
 Ríkszte, розга.
 Rugéj, рожь, rāgī, род хлеба в Индии.

Rúpintis, заботиться, rup, беспокоить.
 Rízti, решиться, riṣ, riṣ, убить.
 Rópe, репа.

S

Sápnas, сон, svapna, id.
 Sapnuóti, во сне видеть, svap, спать.
 Saúle, солнце, sūrja, id.
 Ségti, прикреплять, saḡ, id.
 Sékti, следовать, saḥ, id.
 Sesuó, сестра, род. seseres, svasṛ, id.
 Siediēti, сидеть, siesti, сесть, sad, sid, id.
 Siékti, сгять, доставать, sagh, id.
 Sidábras, серебро, sita, obhra, белое золото.
 Sila, сила, ṣila, природа, прав.
 Silpnas, слабый, alpa, id.
 Siúrbti, хлебать, srḡ, лить.
 Siúnsti, посылать, prēṣajāmi, посылаю.
 Skēnsti, тонуть, skand, падать.
 Skústi, брить, ghrṣ, скоблить.
 Smértis, смерть, māra, мор.
 Smirdiēti, ванять [так!], mṛdh, быть сырым.
 Sodziálka, пруд, ṣada, грязь.
 Spjaúti, плевать, plu, мочить.
 Spirti, ударять ногами, prṣ, ударять.
 Sprógti, лопаться, pras, вытягиваться.
 Steniēti, стонать, stan, id.
 Stéjgti, стремиться, stigh, всходить.
 Stiébas, стебель.
 Stíklas, стекло, stuḥ, сиять.
 Stógas, крыша, stagh, покрывать.
 Stóti, стать, stowiēti, стоять, sthā, id.
 Su, с, sam или sa, id.
 Súditi, судить, sundh, очищать.
 Súpti, качать, kṣubh, sôpana, id.
 Súnus, сын, sūnu, id.
 Súris, сыр, sara, сгущенное молоко.

T

Tamsús, темный, tamas, тима.
 Tamsibe, темнота, dhvānta, id.
 Tárti, сказать, tark, говорить.
 1. Tarp, между, anter, id.; внутри (ан вм.
 sam).
 Tatúszis, батюшка, tâta, id.
 Tékti, течь, tik, двигаться.
 Tiatá, тетка, tâta, почтенный.
 Tiéwas, отец, pitṛ, id.
 Tiltas, мост, dharana, id.
 Tawóras, товар, dvr, приобретать.
 Traúkti, тащить, trakh, id.
 Trānksmas, тревога, dhrānḥ, кричать.
 Trínti, тереть.
 Tróksztí, жажда, trṣ, id.
 Trusiēti, ухаживать, dru, бежать.

3. Turiėti, держать, *dhṛ*, *dhi*, *id*.
 Twóra, забор, *dhāra*, *id*.
 Twóti, сечь, катать, *çvas*, *id*.
 Twínti, разливаясь (о реке), *dhumí*, река.
 Twirtas, крепкий, *sthira*, *id*.
 4. Túszcias, пустой, тощий, *tučča*, *id*.
 2. Taszítí, тесать, *takš*, *id*.

U

- Úbagas, нищий, *bhikṣ*, нищенствовать.
 Ugnís, огонь.
 Úksusas, уксус.
 Úrwa, нора, *ulwa*, дупло.
 Úžpakalis, задница, *phalaka*, *id*.

W

- Wábalas, жук, *vādh*, *bādh*, беспокоить.
 Wájkas, дитя, *ḡaha-ka*, *id*.
 Wajkszczióti, ходить, *vā*, *id.*, *vakh*, *vāt*, *id*.
 Wágis, вор, *vādh*, *id*.
 Wálgiti, кушать, *vāgā*, пища.
 Waliḡti, иметь силу, *valita*, сильный.
 Wanduó, undū, вода, *voda*, мокрый; *und*,
 быть мокрым; *vana*, *nitha*, *kam*, *kaman-*
dha, вода.
 Wárgas, бедствие, *varga*, сила; однообраз-
 нять.
 Warlé, лягушка, *var-anga*, *testiculus*, *vjan-*
ga, *id*.
 Wárna, ворона, *kārawa*, *id*.
 Wárpas, колос, *var*, оплодотворять.
 Wadínti, звать, *hvē*, *id*.
 Wártaj, ворота, *vāra*, *id*.
 Wászkas, воск, *mākša*, *id*.
 Wásara, лето, *vasāra*, желание.
 Wárras, медь, *āra*, *id*.
 Wésti, вести, *vādh*, *id*.
 Wéjzietí, видеть, смотреть, *wejdás*, лицо,
 вид.
 Wiéra, вера, *var*, желать, избирать.
 Wiédras, ведро, *pātra*, сосуд.
 Wiéjas, wies, ветер, *vā*, веять; *vātara*, ветер.
 Widús, середина, *madhja*, *id*.
 Wíłktis, тащиться, *vargh*, двигаться.
 Wirtí, кипеть, варить, *bhṛ*, *id*.
 Wíras, муж, *vāra*, *id*.

- Wissados, всегда, *sada*, *id*.
 Wóditis, ссориться, *vāda*, ссора.
 Wódití, вредить, *vadh*, *id*.
 Wógti, красть, *vast*, обижать.
 Wóziti, весить, *vāga*, сила.

Z

- Zujkís, заяц, *kískis*, *id.*, *çaça*, *id*.
 Ząsis, гусь, *hansī*, *id*.
 Zibiėti, сиять, *dju*, *djut*, *ḡut*, *dhup*, *id.*, *sibh*,
 светить.
 Zígis, шаг, *saḡḡ*, итти.
 Zínsti, сосать, *čuš*, *id.*, *čuči*, сосец.
 Ziāme, žeāme, zēme, земля, *gmā*, *id*.
 Isi=zióti, разинуть рот, *ḡabh*, *id*.
 Ziuriėti, смотреть, зреть, *çri*, *id.*; *ghṛ*, блес-
 теть.
 Zónka, жена, *ḡani*, *gnā*, *id*.
 Zwakís, свеча, *viti*, свет.
 Zwírbliś, воробей, *vara*, *id*.
 Zuwís, рыба, *vasu*, *id*.
 Zwaigždé, звезда, *çvid*, быть белым.
 Zwiéris, зверь, *dhurja*, *hvárja*, лошадь.

SZ

- Szaká, ветвь, *çakhā*, сук.
 Száltis, холод, *gelu*, *lat*.
 Szárka, сорока, *sāra*, *turdus salica*.
 Sziaszí, шесть, *šaš*, *id*.
 Sziaúsztis, щетенься [так!], *hṛš*, *id*.
 Sziařej, шерсть, *hṛš*, щетенься [так!].
 Szírdis, сердце, *hṛd*, *id*.
 Szkáditi, вредить, *kaç*, *id*.
 Szłowe, слава.
 Szlúbas, хромо́й, *khòl*, хромать.
 Szókti, плясать, скакать, *çaç*, *id*.
 Szúdas, гуано, *sūda*, грязь.
 Szuwá, szu, род. *szunés*, собака, *çvan*, род.
çunas, *id.*; *çavaka*, щенок.
 Szwéntas, святой, *çvi*, сиять.

CZ

- Cziúpti, щупать, *çhup*, *id*.
 Cziúrkšti, просачиваться, *çut*, *çjut*, капать.

И. В. Юшкевич.

II

ПРОБНЫЕ СТАТЬИ ЛИТОВСКОГО КОРНЕСЛОВА, СОСТАВЛЕННЫЕ И. ЮШКОЙ

[1]

Lik, liek, ļajk, лат. *lik*, *leek*.

Lik-ti, наст. *liek*-и, прош. *lik*-au, остаться. Лат. *lik*-t, положить, ставить, класть.

Pa-lik-ti, наст. *pa-liek*-и, прош. *pa-lik*-au, оставить, покинуть; остаться. Лат. *pa-lik*-t, остаться. I g palik-kęs miestą Nazaret (Mat. 4. 13). И оставль (город) НазареѢ.

Pa-lajk-as, род. *pa-lajk-o*, остаток, остальное. Лат. *at-leek-as*, *at-leek-s*, *pa-lik-s*, *id*.

Pa-lajk-is, м., *pa-lajk-ie*, ж., оставшийся, -аяся; старый, избитый, бесполезный, ни к чему негодный.

Isz-si-lajk-i-ti, наст. *isz-si-lajk-au*, прош. *isz-si-lajk-iau*, содержаться, прокормиться, прожить. *Kaip jusū Mylista žiemos bėdoj issilajkēt'?* Как Ваша милость в нужде зимы прокормилась? (Дон. 1. 160).

Lajk-i-ti, наст. *lajk-au*, прош. *lajk-iau*, держать, считать кого чем. *Ir Burūs prastus per kiaulū jowalą lajko*. И мужиков простых за свиной корм считает (Дон. 1. 254).

Pa-si-lik-ti, остаться. *Ir ten pa-si-lik-o ikki Erodui numirrus* (Mat. 2. 15). И бѣ тоу до оумрътиа Ирода. О.Е.

At-lik-ti, кончить, совершить. *Juk dar Czėso yr' ir mės at-lik-sime darbus*. Ведь еще времени есть и мы кончим (свои) труды (Дон. 1. 390).

[2]

Majn, лат. *mi*, *main*, слав. мѣн (-main).

Majn-a, род. *majn-os*, мена. Лат. *mi-hschana*, *main-a*, *main-oschana*.

Majn-i-ti, наст. *majn-au*, прош. *majn-iau*, менять. Лат. *mi-ht*, *main-iht*, *majn-oht*.

[3]

Mau, *mow*, лат. *mau*, *mauk*.

Mau-ti, наст. *mau-ju* и *mau-nu* (j, n, свер.), прош. *mow-iau*, надеть, надевать, вложить. Лат. *mau-t*, взуздать, узду надеть.

Už-si-mau-ti, надеть себе. *Ir sawo skrandą buriszką wieszėt ussimowęs* (Дон. 1. 126). И свой кожух крестьянский (чтоб) надти в гости надевшись.

Nu-mau-ti, снять. Лат. по-*mau-t*. *Keppurę nu-mau-ja* (Дон. 1. 262): Шапку снимает.

Mau-di-ti, наст. *mau-d-au*, прош. *mau-dž-iau*, купать. *Mau-di-tis*, купаться.

Лат. *mauk-t*, сдернуть, стянуть.

[4]

Mil, *miel*, *mejl*, *mał*, дпрус. *myl* и *mil*, лат. *mihl*, слав. мил.

Mil-ie-ti, наст. *mil-iu*, прош. *mil-ie-jau*, любить, дпрус. *miłyt*, лат. *mihl-eht*, *mihl-oht*, *mihl-inaht*.

Miel-as, м., *miel-a*, ж. (Дон. 1. 129), милый, дорогой; дпрус. *mil-s*, *myl-as*, лат. *mihl-s*.

Meil-ie, род. *mejl-ies*, любовь. Дпрус. *myl-an* (82), *myl-in* (89), вин. Лат. *mihl-iba*, *mihl-estiba*.

Mejl-ing-as, м., *mejl-ing-a*, ж., любезный, дружелюбный, благоприятный. Лат. *mihl-igs*. *Kartais nu vaikū mejl-ingus atskiria Tiewus*. Иногда от детей любезных отлучает родителей. (Дон. 1. 184). *Bey koks mejl-ingas geradėjas*. Будто какой милосердный благодетель. (Дон. 1. 186). *Mejl-ingą swejkino draugė* (Дон. 1. 47). Любезную приветствовал подругу.

Mal-on-ie, род. *mal-on-ies*, милость, благосклонность, благоволение (Дон. 1. 158).

Mil-ist-a, род. *mil-ist-os*, милость (употребляется преимущественно у жемайтов в обращении к знатым лицам). *Kaip jusū Myl-ist-a žiemos bėdoj issilajket'?* Как Ваша милость в нужде зимы прокормилась? (Дон. 1. 160).

[5]

Min, *men*, *man*, мон; лат. *min*, *man*; дпрус. *men*, *min*;

слав. мѣн, мѣн, мин, ма (=men)

At-min-ti, наст. *at-men-u*, прош. *at-min-iau*, помнить, вспомнить,

Pa-min-ie-ti, наст. *pa-men-u*, прош. *pa-min-ie-jau*, поминать, помянуть, вспомнить, не забыть. Лат. *ree-min-neht*, думать о чем-нибудь. *Bet ir mus paminėk* (Дон. 1. 139), но и нас не забудь.

Isz-min-tis, род. *isz-min-t-ies*, ум, рассудок. Лат. *manna* (prahts).

Isz-min-ting-as, род. *isz-min-ting-a*, умный, рассудительный, мудрый. *Sztay isz-min-tingieji isz rytū žemės atėjo į Ieruzalę* (Mat. 2. 2). О.Е. Се вльсви отъ вѣстока придоша въ Иерѣлимъ.

Pra-man-i-ti, наст. *pra-man-au*, прош. *pra-man-iau*, выдумать, сочинить, сделать. *Naujas wyžas prasi-man-o*. (Дон. 1. 251). Новые лапти сплетают.

Pra-mon-ie, род. *pra-mon-ies*, вымысел, изобретение, творение, образ. *Szalczū pra-mon-ės su ledais sugaisztį pagawo (saulele)*. (Дон. 1. 3). Морозов творения со льдами растопить взялось (солнышко).

Nu-si-min-ti, наст. *nu-si-men-u*, прош. *nu-si-min-iau*, унывать, трусить, робеть. Прич. прош. *nu-si-min-ęs*, *nu-si-min-usi*, унывший, трусивший; робкий, трусливый; *Smertnau nusi-min-usi* (Pelėdpalajke) (Дон. 1. 230). Смертельно оробевши (сова).

Дпрус. *men-entwey*, неопр. накл. (1 kat. 2), упоминать, вспоминать.

At-min-tis, род. *at-min-t-ies* (n-cz-io), память. Дпрус. *men-isnan* (в 1 и 2 кат.), *men-issnan* (в 1), *min-isnan* (в 2), вин., id. Лат. *pee-min-neschana*, *pee-minna* id. О.Е. па-мѧ-ть.

[6]

Pju, pjau, pjow, pie, pej; лат. *plau*, слав. пи.

Pju-kl-as, род. *pju-kl-o*, *пи-ла*; лат. *plau-schana*.

Pjau-ti, наст. *pjau-ju* и *pjau-nu* (j и п свер.), прошед. *pjow-iau*, резать, косить, жать, пилить. Лат. *plaut*, id.

Pie-wa, род. *pie-wos*, луг; лат. *pla-wa*.

Pej-l-is, род. *pei-l-io*, нож (лат. *nasis*).

Per-pjau-ti, прорезать, перерезать. ... *gerklę pėrpjaut* (Дон. 1. 233) горло прорезать.

[7]

Spjau, spjow, лат. *ssplau*, слав. плю, пле, блю и бле.

О. Е. плъ, плѣ.

Spjau-ti, наст. *spjau-ju* и *spjau-nu* (j и п свер.), прош. *spjow-iau*, пле-вать, плюнуть (ср. блевать, блонуть). Лат. *ssplaut*.

Spjau-di-ti, наст. *spjau-d-au*, прош. *spjau-dž-iau*, пле-вать. Лат. *splau-diht*. О.Е. плъ-вати. *Tai ir Bur's tur spjau-dit* (Дон. 1. 123). То и мужик должен плевать.

III

НАЗВАНИЯ СТЕПЕНЕЙ РОДСТВА В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ, СОБРАННЫЕ КС. АНТОНИЕМ ЮШКЕВИЧЕМ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. ПОНЕВЕЖА (В ПУШОЛАТСКОМ ПРИХОДЕ)

Названия супругов относительно друг друга.

Moteristė, (кор, *motė*, мать), супружество.

Pats, род. *patės*, муж. Собственно значит сам.

Wifs, род. о, муж. (Общепотребительное слово).

Prejszas, -о, (Пуш. и жмуд.), второй муж.

Užkuris, о, (Пуш.), второй муж. (жмуд, обветш.), третий муж.

Užtupis, -о, (Пуш.), третий муж. (жмуд.) четвертый муж.

Untstupas, -о, (Пуш.), третий муж. (жмуд.) четвертый муж.

Pati, род. *paczós*, жена, собственно значит сама.

Genterė, -es, (Пуш.) жена двух братьев.

Родня мужа относительно жены.

- Szeszuras, -o, (жмуд.) } свекор.
 Szászuras, -o, (литов.) }
 Anita, -os, (общее), свекровь.
 Deweris, -o, } (Пуш.) деверь (жмуд., обвет.)
 Diweris, -o, }
 Inté, -es, (Пуш.) невестка; жена деверя.
 Mosza, -os, (Пуш.) заловка [так!] (жмуд. обветш.).

Родня жены относительно мужа.

- Oszwis, -o (Пуш.) }
 Uoszwis, -o (литов.) } тесть.
 Uszwis, -o, (жмуд.) }
 Oszwé, -es, (Пуш.) }
 Uoszwé, -es, (литов.) } теща
 Uszwis, -o, (жмуд.) }
 Uszwené, -es, (жмуд.), теща.
 Łajgonas, -o, (Пуш.), шурин.
 Łajgonéné, -es, (Пуш.), шуринина жена.
 Swajné, -es, (Пуш.), своячина [так!]
 Swajnis, -o, (Пуш.), свояк.

Название отца и его родни относительно детей.

- Téwas, -o, (общее), отец.
 Swotas, -o, (Пуш.), отец маладаго [так!] или молодой.
 Tetis, род. teczó, (Пуш.), отец.
 Tetajtis, род. tetajczo, }
 Tetutis, род. tetuczó, } (Пуш.) батюшка.
 Tetuszis, -o, }
 Patéwis, -o, (общее), вотчим.
 Patetis, род. pateczó, (Пуш.), вотчим.
 Dédé, -es, (общее), дядя, брат отца или матери.
 Dédina, -os, }
 Dédéná, -os, } дядина жена
 Teta, -os, (общее), тетка по отцу и по матери.
 Tétuła, (Пуш.) }
 Tétuté, (общее) } тетушка.
 Tétulé, (Пуш.) }
 Téténas, -os, (Пуш.), дядя, теткин муж.
 Tétulenás, -os, (Пуш.), id.
 Brołenas, -o [так! Было -os, но с зачеркнуто], (Пуш.), двоюродный брат.
 Brołauczá, -os, (Пуш.), двоюродная сестра.

Названия матери и ее родни относительно детей.

- Moté, -es, (Пуш.), мать. В других говорах обветшало.
 Moczé, -es, (Пуш.), мать. В других говорах обветшало.
 Motina, -os, (общее), мать.
 Matulé, -es, (общее) }
 Matuté, -es, (общее) } матушка.
 Moczeka, -os, (общее), мачиха [так!].
 Pamomé [так!], -es, (Пуш.), мачиха [так!].
 Awinas, -o, (Пуш.), дядя по матери.

Awinéné, -es, (Пуш.), тетка, дядина жена.

Seserénas, -o, (Пуш.), двоюродный брат, теткин (по матери) сын.

Seserécza, -os, (Пуш.), двоюродная сестра, теткина (по матери) дочь.

Названия детей относительно родителей.

Sunus, -aus, (общее), сын.

Marti, род. marczós, невестка; слав. сноха.

Posunis, o, (общее), пасынок.

Dukté, -es, (общее), дочь.

Dukra, -os (Пуш.), дочь.

Podukra, -os (Пуш.), падчерица.

Anukas, -o, (Пуш.), внук.

Anuké, -es, (Пуш.), внучка.

Названия предков.

Boczús, -aus,	} предок.
Praboczús, -aus,	
Predkas, -o	
Prádkas, -o	

Senis, -o, (общее)	} дед	} собственно	старик.
Senelis, -o, (общее)			старичек.
Senutis, (cz)o (общее)			старичек.
Sentéwis, -o (общ[ee])			старый отец.
Sursenis, -o, (общ[ee])			престарелый.
Sursenélis, -o (общ[ee])			престарелый.
Parkarszes, (sz)usó, (общ[ee])			дляхлый.

Sené, -es, (общее)	} бабушка	} собственно	старуха.
Senelé, -es, (общ[ee])			старушка.
Senuté, -es, (общ[ee])			старушка.
Senmoté, -es, (Пуш.)			старая мать.
Sursené, -es, (общ[ee])			престарелая.
Sursenélé, es, (общ[ee])			престарелая.
Bobuté, es, (общ[ee])			

Название детей относительно друг друга.

Brolis, -o, (общее), брат.

Brolelis, -o, (общее) братец

Brolajtis, (cz)o,

Brolajtélis, -o, (второй степени)

Brolelukas, -o, (второй степени)

Brolitis, (cz)o,

Brolitelis, -o, (второй степени)

Brolitukas, -o, (второй степени)

Brolitužis, -o, (второй степени)

Brolukajtis, -(cz)o, (второй степени)

Brolukas, -o,

Brolukelis, -o, (второй степени)

Broluajtis, (cz)o, (второй степени)

Brolutelis, -o,

Brolulis, -o,

Brolutajtis, -(cz)o [так!], (второй степени)

Brolutis, (cz)o,

Brolužajtis, (cz)o,

Brolužis, -o,

Broluželis, -o, (Пуш.) (второй степени)

Ласкательные формы

Pusbrolis, -o, сводный брат.

Brotuszis, -o, (Пуш.), племянник, братний сын. Стар. русск. братанъ, церковн. братаничъ.

Brotuszé, -es (Пуш.), племянница, братняя дочь. Ст. рус. братана. Церк. братанична.

Seja, -os, (Пуш.), сестра.

Sejelé, es, (Пуш.), сестрица.

Sesù, род. sesers, (общее), сестра.

Seserinczús, -aus, племянник, сестрин сын.

Seserinczá, -os, племянница, сестрина дочь.

Dwinej, -u, (общее), близнецы.

Dwinickej, -u, (Пуш.), близнецы.

Названия лиц духовного родства.

Kumas, -o, (общее), кум.

Kuma [так!], -os, (общее), кума.

Pirszlis, -o, (общ[ee]), сват.

Podé, -es, (Пуш.), кум.

Podéné, -es (Пуш.), кума.

Swotas, -o (жмуд.), дружка, свидетель при записи молодых.

Swoczé, -os (общее), посаженная мать.

Biczúlis, -o (общее), взявший улей пчел на счастье.

Bitninkas, -o, (Пуш.), id.

Giminé, -es, (общее), родня.

Giminajtis, (cz)o, родственник.

Giminajté, -es, родственница.

Gentís, -es, родня.

Gentisté, -es, родство.